

DZAIRS ANABIS

музыкальные экспозиции

любови 0

18+

Dzairs Anabis

**Любви О. Музыкальные
ЭКСПОЗИЦИИ**

«Издательские решения»

Anabis D.

Любви О. Музыкальные экспозиции / D. Anabis — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830157-5

Если сыграть похоронный марш в ре-диез мажоре, покойник подыметя, плюнет в глаз падлюке-вдове и пойдёт убивать неверных. Каждый рассказ, новелла или эссе в данном сборнике представляют известное всем чувство в разнообразных человеческих аспектах. Как изменяется мелодия, сыгранная в разных тональностях, так и любовь у каждого своя, напета ли она Шекспиром, нашёптана дьяволом или же отпечатана штампами партсобрания.

ISBN 978-5-44-830157-5

© Anabis D.
© Издательские решения

Содержание

Благодарности	6
Cis-moll	7
A-dur	11
B-moll	14
C-dur	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Любви О
Музыкальные экспозиции
Dzairs Anabis

© Dzairs Anabis, 2016

© Евгения Барбакова, иллюстрации, 2016

Корректор Юлия Алехова

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Благодарности

Большое сердечное спасибо за работу над книгой
Евгении Барбаковой,
Николаю Копалову,
Илье Науменко,
Алеховой Юлии,
Катюше Фищук,
Катюше Квочкиной,
Леше Волошину,
Андрею Горбунову,
компании Ridero,
всем тем, кто послужил прообразами для персонажей с их обычными и необычными
мотивациями и конечно же, вам, уважаемые и дорогие читатели!

Cis-moll

– Телеграфируйте, – простонал с кушетки Николай Борисович, – Татьяне Николаевне, что муж её, Николай Борисович, скоропостижно скончался.

– Я сама себе телеграфировать ещё должна? – насмешливо восхитилась Татьяна Николаевна, повязывая у зеркала томный душистый платок.

– Что муж её перед смертью клялся в любви к своей супруге. Уверял, что не может жить без неё. Но раз она решила, что готова сломать, растереть и позабыть все эти годы... Слышите! Все эти наши с вами совместно прожитые годы!

– Господи, дуремар какой, – Татьяна Николаевна с силой надала на виски.

– Раз в её желании не быть с мужем, то и муж её, Николай Борисович, тоже откланивается, желает счастья с другим и покидает сию юдоль скорби, по недоразумению или упущению называемую жизнью.

– Ну почему вы такой? Почему вы не можете просто меня отпустить? Всему однажды приходит конец. Я люблю другого, как вы не можете понять! Людям светским свойственно ошибаться. Так и я ошибалась, считая союз с вами разумным и достойным.

Николай Борисович схватился за сердце и заурчал, как сломанный холодильник: «Падшая женщина! Ах-ха-ха! Прихвостень дьявола! Я убью себя, можете не сомневаться».

– Николай Борисович, помилуйте.

– Я отравлю себя шницелем!

– Шницелем... – вслед за ним повторила Татьяна Николаевна. – Почему же шницелем? Почему вам в голову, друг мой, пришла такая несусветная глупость? Почему шницелем?

– Или... – взгляд Николая Борисовича переместился в сторону гостиной, – я откручу ему голову.

– Не трогайте Поскрёбыша, – заволновалась супруга, готовая уже было шагнуть за порог. – Умоляю, не трогайте моего птенчика. Ну что же вы за человек такой. Птичка-то вам что сделала? Пообещайте мне...

Супруг залился в ответ страшным протяжным хохотом:

– О, я вам обещаю! Я вам обещаю, дражайшая моя, что всенепременно съем иглу.

Николай Борисович выудил откуда-то из письменного стола большую позеленевшую сапожную иглу и потряс ею в воздухе, безумно поглядывая на свою супругу.

– Но я не умру. Не так-то всё просто, дорогая моя. Да, я останусь жить! Вы знаете, что произойдёт? Игла дойдёт до желудка, обволакиваемая слизью, и застрянет там. И никто, ни даже я сам, никто не будет знать, когда именно она нанесёт свой смертоносный укол. Она будет

лежать внутри меня, подобно тоскливой ноше, которой вы награждаете меня, день, месяц, год. Но вот однажды я буду кушать шницель...

– Господи, да дался вам этот треклятый шницель! – заплакала Татьяна Николаевна. – Ну что у вас, право, за мания такая на эти шницели?

– Буду кушать, да-да, – повторил Николай Борисович, похныкивая. – Наверное, мы с Лазарем Ибрагимовичем, дорогим, будем сидеть в том жутком душном ресторане на Бронной. И Лазарь Ибрагимович спросит: «А как поживает Татьяна Николаевна? Давёхонько не видывал я вас вместе и не слыхивал о поездках ваших просветительских». И только я себе-речь улыбнуться и поведать, что мы боле не вместе. И тут...

Татьяна Николаевна побледнела и присела на стул, вытирая слёзы.

– И тут нутро моё заворчит, заволнуется. Лазарь, милейший, Ибрагимович тоже заволнуется, примется хватать меня за руки. А я отстраню его попутки чётким отмеренным движением и скажу очень серьёзно...

Но что такого он скажет Лазарю Ибрагимовичу, Николай Борисович не успел договорить. Так как супруга его внезапно вздрогнула и, развеселившись, принялась разоблачаться. Скинула туфли, надела домашний халат и встала в позу:

– Милый Николай Борисович, позвольте принести глубочайшие извинения за свою минутную слабость. Не убивайте себя, я того не достойна, право. Позвольте мне позвонить тут же Вальтарену на этаж ниже и приказать подать вам самый большой и съедобный шницель?

Николай Борисович заходил по комнате. Ему будто бы стало душно. На всякий случай он ещё похныкал, но супруга оставалась на месте и попыток покинуть их общую жилплощадь не предпринимала. Тогда Николай Борисович прилёг на софу и свирепо застонал:

– Как могу я вам теперь доверять, о, ползучая? Скажите мне? Вы ночами стонете некультурно и имена мужские произносите. Довели меня до цугундера, можно сказать. Ваши, опять же, письма... Собрались меня покинуть, вещи собирать изволили. Или вам мало моей кровушки, что вы отхлебнули уже от души? Решили окончательно меня прикончить? Дать, так сказать, рваные надежды на простое мужицкое счастье, притомить, а потом растаять на горизонте, подобно аромату свежего заутреннего шницеля? Нет уж, я вам скажу, дорогая Татьяна Николаевна, так никак не пойдёт. Не выйдет у вас. Думали, что я совсем глупец, тварь безголосая?

Татьяна Николаевна тут же бросилась утешать и ласкать дражайшего супруга, но он мягко но настойчиво отстранил её:

– Ах, оставьте ваши непонятные мотивы. Мерзкая вы тварь, как я понял, Татьяна Николаевна! Но я вам скажу. От души вам скажу, не запретите!

Супруга опечалено вздохнула и опустила на колени.

– Не перевёлся мужик на Руси-матушке! – громко и пронзительно заверещал Николай Борисович, и в клетке, покрытой пледом, откликнулся перепуганный Поскрёбыш. Николай Борисович подскочил с софы, схватил чемодан с вещами своей супруги и кинул ей на колени:

– Не надо тут скулить, как последняя шавка. Так я вам скажу, милейшая. Коль вам угрозило телесами своими к другому расположению испытать, то вы мне враг. А с врагами мы, патриоты отчизны своей, не сожительствуем. Будете мимо пробегать, пробегайте, а в гости вас даже не позовём никогда. И иглу съем, шницелем закушу. Всенепременно Лазарь Ибрагимович, дорогой, узнает! Всё ему расскажу, не обессудьте. Узнает, какая вы змеюка, падшая женщина. Да что же с вас взять, когда папенька из жидовщины! И Мариночке расскажу, всенепременно. Вот стоит ей, недотроге, глазоньки с утречка распахнуть свои...

Тут Николай Борисович посерел и резко умолк, осознав, что в забытьи оговорился. Татьяна Николаевна медленно поднималась с пола. Взгляд её, таинственный и манящий, был обращён куда-то сквозь Николая Борисовича. В клетке заметался Поскрёбыш, забил крыльями и вдруг произнёс непонятное нецензурное выражение на латыни, столь непопулярное и пошлое, что мы его тут и не упомянем.

– Мариночке... – процедила Татьяна Николаевна, смакуя каждый звук своего голоса. – Глазки...

Татьяна Николаевна ухватила обронённую супругом иглу, и грозно задыхалась. Николай же Борисович тоже задыхался, но не очень грозно, и пошёл очень быстро по квартире, судорожно припоминая, действительно ли игла покрывается во внутренностях слизью или он умудрился ошибиться.

– Остановитесь, негодяй! Позвольте ваш шницель сюда! – покрикивала Татьяна Николаевна, резко шагая за своим супругом по квартире. – Я вам его всенепременно отрежу и скормлю Поскрёбышу! Вы всё это время дурили меня, обвиняя непонятно в чём, а у вас самого зазноба, значит, на стороне водится. А за папеньку я вам сейчас нос откушаю ваш горбатый. Будто бы побратим ваш, Лазарь Ибрагимович, ярким советским подданным является. Извольте иглу сейчас глотать или, может, вам её пока на сохранение в язык ваш поганый воткнуть?

Поскрёбыш долго вслушивался в негодующие возгласы хозяев, покуда не сменились они звуками поцелуев и объятий. После чего вздохнул, упрятал голову под крыло и крепко заснул.

A-dur

Когда Оксану предавали мужчины, она ела. Ела много и разное.

Взаимосвязь мужчин и пищи проявилась ещё в школе. Тогда у Оксаны был бурный роман со старшекласником-спортсменом. После него она ела бананы. Он и сам был как банан – худощавый, напряжённый. Ноги обтянуты в жёлтые скользкие лосины с проглядывающим бугорком. Довольно жалким на вид. Будто хозяин нарочно подчёркивает его наличие, хвастая: «Смотрите – я мужик!»

Когда старшекласник прошёл по улице мимо Оксаны, увлекая за собой длинноногую фифу, Оксана тут же зарулила в овощной и купила связку бананов. Где-то на кило триста или даже кило триста пятьдесят. Подгнивающие на концах, шершавые и мучнистые. Оксана сидела на скамейке и поедала их, заглатывая огромными кусками.

Потом Оксана сожительствовала с одним рыбаком. Почти два года. Рыбак развешивал по Оксаниной квартире сети, разбрасывал снасти и бесконечно обмывал многочисленные уловы. Оксана рыбу не любила. Когда рыбак уехал с вещами к своей мамочке в Саратов, Оксана села на расцарапанный линолеум, замоталась в пропахшие тинной сети и пила водку. Пила долго, сочно, прямо из горла. И грызла назло всей рыбе орехи.

Последний мужчина у Оксаны развивал своё предприятие. Дел у него было много, и дома Оксана его почти не видела. Приезжал внезапный, уставший и бухался спать. Когда с предприятия полились рекой доходы, Оксана оказалась не нужна. Не вписывалась в картину бытия. И деятель, грамотно отсудив ей какую-то часть барышей и автомобиль «Нива», ушёл искать себе партнёру на социально подходящих берегах.

Оксана сосала латук и плакала, сидя на крыше. Душой ближе к Богу.

И Оксана столкнулась с проблемой: не ощущая себя разбитой и брошенной, есть она не могла. Конфета во рту стыла маслянистой корочкой. А вино тут же исторгалось наружу бурлящими потоками.

Сон не шёл. Оксана размышляла...

Если бы взяться за того старого слесаря... Да груши с уткой что-то не манят. Хотя слесарь бы в квартире порядок навёл. Но утку Оксана уже ела, а груши давно стали символом сорока дней без мужских ласк.

Может быть, списаться с одноклассником Мишей? Он ей давненько оставляет провокационные замечания под каждой фотографией в интернете. Но одноклассник вызывал скабрёзные ассоциации с сухариками и кроличьей лапкой. Оксана поймала себя на мысли, что лапки самого одноклассника кажутся ей более привлекательными в гастрономическом аспекте, нежели кроличьи. А сухарики жёсткие.

Оксана стала думать от обратного. Чего бы ей хотелось? Может быть, шампиньонов пофламандски? Выдержанного коньяка или... О! Конины с луком, запечённая в духовом шкафу! Нет. Конины не хочется, да и жить ради этого полгода с учителем физкультуры тоже. Так что вариант отпадает.

А чего хочется? Есть хочется. А чего есть? Вроде бы, всё просто – бери и ешь. Ан нет, без мужика в качестве аперитива – никак. Не естся.

Оксана ходила по улицам и сглатывала слюнки, завидуя проходящим мимо парам. Мороженое с молочными сосисками, паста с куропатками, лазанья с цыплёнком табака, жареные бараньи яйца с камбалой – проплывали перед ней всевозможные вариации обедов и ужинов, завтраков и полдников. Но, увы, кто-то другой будет заедать свои печали и страдания такими вот вкуснотищами.

Спустя месяц голодания и отсутствия компромиссов Оксана увидела, как к ней в окно ввалился ангел.

– Ну что, Оксана! – улыбнулся он. – Полетели. Духом святым будешь сыта ты каждый день твоей новой жизни. И поверь, этот мужик никогда не бросит.

Оксана вспорхнула на подоконник и полетела кушать.

B-moll

Дверь раздражённо хлопнула. В пропахшее клеем и мыслью пространство ворвалась Аня, старший руководитель отдела. Все присутствующие исполнились ароматами и заблагоговели. Аня фурией пронеслась по залу, поднимая в воздух вихри газетных вырезок.

– Аня... – прошептал побледневший столяр Серёжа и попытался упасть в обморок.

– Это что? Это что? – тоненько закричала Аня, схватив одной рукой Сергея за шиворот, а второй размахивая перед лицом несчастного огромным листом с растёкшейся надписью «План». Витиеватая закорючка, заканчивающая надпись, вызвала в столярской душе какие-то болезненные воспоминания, и бедняга страдал.

– Аня... – ещё раз прошептал Серёжа и уставился взглядом куда-то в область декольте старшего руководителя. Во входную дверь громко постучали, но даже этот звук не вывел столяра из состояния созерцательной прострации.

Аня подскочила к Юре, ответственному суициднику отдела. Убедилась, что Юра пока жив, вопреки его клятвенным заверениям, что это в последний раз.

– Юра! У нас сегодня приезжают дети! Дети, Юра! Вагон с детьми приезжает, Юрочка! Вагон с детьми! В полдень! А у вас конь валялся, Юра? Конь, спрашиваю, валялся? Где куклы? Где инвентарь, антураж, декорации? Юра, ты слышишь меня, Юра?

– Анна Сергеевна, – проникновенно промолвил Юра, печально созерцая сквозь Аню стену, обклеенную ежемесячными выпусками газеты «Радуга Юмора», – моя жизнь и так похожа на бесконечную вагину. Умоляю, не привносите в неё ещё больше деструктивных элементов!

– А он вчера повеситься пытался, – на ухо Ане наябедничала бойкая сотрудница Алёнка. Девочка суетливо подпрыгивала на месте, перебирала пальчиками и деловито хмурилась. Аня, проигнорировав её слова, медленно переместила своё внимание на широкую спину художника Семёна. С высокохудожественной спины на старшего руководителя печально взирал потёртый и пропитанный творческим потом Бастер Китон.

– Семё-он! – тоскливо взывала Аня.

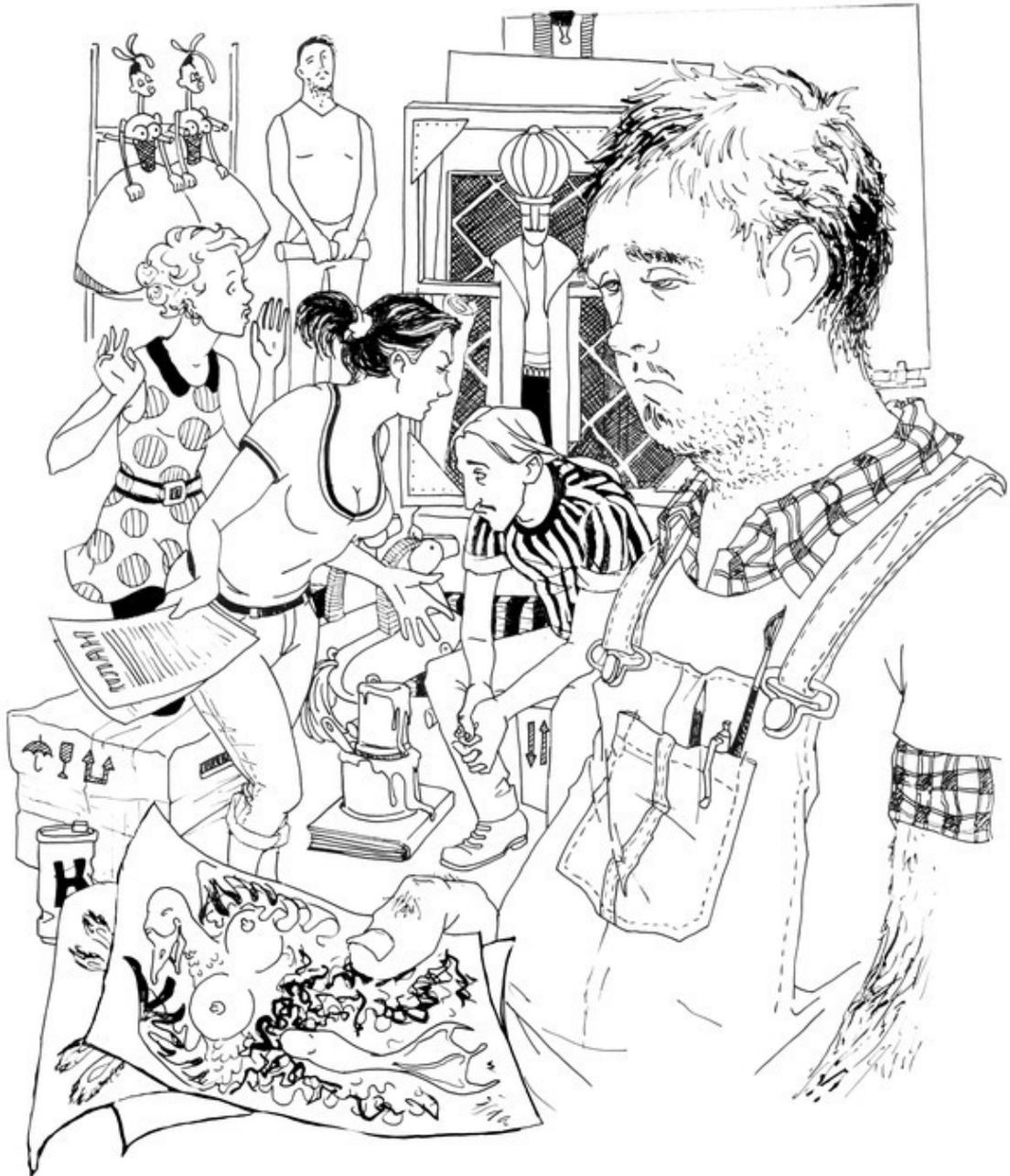
Семён что-то буркнул и уставился на старшего руководителя, как сыч на дирижабль. В дверь продолжали стучать.

– Ах, я открою! Ах, я открою! Я открою, я открою, я открою, яоткрою, яоткроюяоткроюяоткрою... – засуетилась Алёнка, заламывая руки.

– Дети, Семён, – сурово произнесла Аня. – Дети! Скажите, у вас есть дети, Семён?

– Нету детей... – вздохнул Семён и стыдливо потупился.

– Будут! – отрезала Аня. – Семён... почему от вас пахнет водкой?
Вопрос был ожидаем. Бутылка «столичной» притаилась в тубусе, замаскированная свёрнутыми листами презентаций и грудой использованных промокашек.
– Потому что я пил водку, – тихо признался Семён.

Столяр Серёжа ещё больше побледнел и снова предпринял попытку упасть в обморок. Аня сразу догадалась, что Серёжа тоже пил водку.
– Серёженька, вам же нельзя, – с укоризной простонала она.
– Нельзя... – вздохнул Серёжа.
– И давно вы тут? – Аня стянула с шеи цветастый шарф, и Серёжа заметно взбодрился, вновь уткнувшись взглядом в открывшееся декольте.

Все стыдливо промолчали. В зал вошёл курьер с внушительным ящиком, из которого торчала солома и что-то призывно позвякивало.

– Это что? – спросила Аня, потихоньку превращаясь в змею. Семён полез под стол, прятать свои обильные телеса, предчувствуя недоброе.

– Кто водку заказывал? – бодро крикнул курьер.

– Да, ребята, кто водку-то заказывал? – прошипела Аня, сузив ярко-голубые зрачки. Капюшончик за её спиной раздулся и угрожающе навис над всеми присутствующими. Кроме Юры, который весьма вовремя куда-то исчез.

Присутствующие взирали на старшего руководителя взглядом обречённых сурикатов.

– Ну, я пойду, – будто под гипнозом прошептал Сергей. – Аня, я пойду, да? У меня там работа стоит. А я не заказывал. Нет, Аня, я не заказывал. Мне не надо, Аня. У меня там стоит, понимаешь?

– Понимаю... – вкрадчивый голос старшего руководителя заставил сердце Сергея болезненно сжаться. – Стоит у вас... Там стоит... Серёженька. Идите, раз стоит... Что же вы сами-то встали? Идите, идите...

Курьер посмотрел на Семёна. Семён посмотрел на курьера в ответ взглядом человека, который не заказывал водку.

– Это Семён заказал! – резво зашептала Алёнка в ушную дырочку змее Ане, хмурия лобик. – Но забыл, что заказывал. Потому что напился.

– Тебе цены нет, золотая моя! Всё-то ты про всех знаешь! – Алёна стала не рада тому, что обратила внимание повелительницы на себя, смертную. Старший руководитель погладила её по кучерявой головке, и из глаз Алёнки закапали маленькие слёзки. – А может быть наш хранитель знаний в курсе, валялся ли у нас конь?

– Ва-аля-аля-а! – разрыдалась Алёнка. – У нас-ас всё гото-ово! Я всем куклам уже платьишки сши-ыла! Красивые, зелёнькие, между прочим! А Юра сценарий написал и диалоги соста-ави-ил, – закончила Алёнка, всхлипывая.

– Юра... – тихонько позвала Аня. Из кладовой донёсся звук падения, звон разбитого стекла и ужасный душераздирающий визг. Из полуоткрытой двери прыснули в разные стороны маленькие морские свинки, а следом за ними вышел хмурый Юра. На шее у него болтался оборванный кусок кабеля.

– Юра, скажи-ка мне, у тебя на этот раз в сценарии всё хорошо?

– Жопа, – мрачно отрезал Юра.

– А у нас, Юрочка, не вагон проктологов ожидается. У нас, милый мой... Дети! Ожидаются! – Аня сплюнула пол-литра яда в поднесённый дрожащими ручками Алёнки графинчик. – Так что же у вас там?

– Сердечки, зайчики, – принялся перечислять ответственный суицидник, – пляшут, поют, грызут немывтые морковки, разводят антисанитарию на весь лес. В небе солнце. Волк исполняет на скрипке. Лисята готовят праздничный пирог с курятиной. Феи пикируют на соцветия. Говорю же, жопа полная!

– Хорошо! – голос Ани смягчился. – Идите, Юра, ставьте звук. Семён!

Семён икнул и протянул руководителю какие-то мятые изрисованные листы.

– Это что? – заинтересовалась Аня.

– Ну как... аллюстрации! – пробубнил художник.

– А почему, Семён, я по вашим ал-люстрациям вижу, кто тут из зверят мальчик, а кто девочка?! – зашипела Аня. – И с какой это стати у матушки-гусыни грудь больше, чем у меня? Вот тут вот, это что такое торчит у лисёнка? Вы, Семён, надеюсь, не с натуры рисовали? Нет? Жаль. Весьма впечатляющие размеры. Исправить! Быстрррр!

– Будь сделано... – вымученно вздохнул Семён.

– Так чего это, кто водку-то заказывал? – повторил вопрос курьер.

– Да какую водку? Какую водку? У нас дети едут! Де-ти же! – обернувшись, хором про-скандировали все присутствующие.

Курьер ухмыльнулся:

– А я вас ра-зы-грал! – весело выкрикнул он. – Это на самом деле не водка, а дети!

Он кинул ящик на пол, ящик раскололся, и из него высыпала орава ребятишек.

Целый вагон детей.

Аня лучезарно улыбнулась, взмахнула рукой и превратилась в фею.

C-dur

Пётр решил, что пришла пора делать ребёнка. Как раз жена есть.

Зашёл в комнату, поправил трико и озвучил жене своё решение. Жена Петра с гордостью посмотрела на мужа – мол, какой ответственный мужик. Легла на тахту готовая.

Пётр повозился, не выходит. У него с этим проблемы. Позвонил соседу.

Пришёл сосед Павел. Посмотрел на жену Петра. А она лежит распахнутая и ждёт. Павел высморкался, плечами повёл:

– Надо бы того, – говорит Петру, – ну это самое-то.

Пётр метнулся к холодильнику, достал початую, разлил. Сели, закусили.

– Чо, как на заводе-то? – спрашивает Павел задумчиво. На вторую намекает.

Разлили, закусили. За завод.

– Да так, как всегда, ну...

Не заводится Павел. Что уж про Петра говорить. Жена лежит готовая, ждёт.

– Глянь, чо там? Лежит? – Павел закуривает. Пётр встаёт, идёт, смотрит, возвращается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.